

ХОЛОДНА ОКСАНА ГРИГОРІВНА

(10. XII. 1915–21. IV. 1984)

піаністка, педагог, доцент¹

УРОК ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

(пам'яті Оксани Григорьевны Холодної)

Я зустрілась с О. Г. в 1973 году, когда мне исполнилось 15 лет. 10 самых важных моих лет прошли под знаком О. Г.

Если говорить о пианизме, то на её уроках я училась и качеству звукоизвлечения, туше, и выразительности и точности интонации, и ясности и законченности музыкальной фразы, мысли, и многому другому, необходимому профессиональному пианисту.

Но как попытка сформулировать «педагогический метод» делает неинтересными и затеоретизированными воспоминания о том замечательном, чем мы – ученики – занимались в классе Оксаны Григорьевны – ТВОРЧЕСТВОМ! Думаю, именно задача освободить в ученике духовную энергию, энергию ТВОРЧЕСТВА и была ее целью.

Вот я и позволю себе вспомнить об этом ученичестве – более важном для меня. Оксана Григорьевна – из тех немногих, кто учил душу, а не только руки. Она незаметно «программировала» в ученике цель – прежде всего быть художником-музыкантом, и видеть замысел, скрытый ЗА нотными знаками и виртуозными пассажами.

Два раза в неделю у меня проходили уроки в консерватории. И помимо «законных уроков» – мой особый праздник, в выходной, – урок у Оксаны Григорьевны дома. От Крещатика мимо Консерватории, театра Франко, «Дома с химерами». Вот я в доме Холодных. Рояль у окна, под роялем дикий сиамский кот Тилька, на рояле – раскрытые книги.

¹ Біографічну довідку про Оксану Григорівну Холодну вміщено у виданні: Науковий вісник Національної музичної академії України імені П. І. Чайковського. – Вип. 30: Зі спадщини Майстрів. – Кн. 1. – К.: НМАУ, 2003. – С. 282.

Помню – принесла на урок позднего Шопена. Пока Оксана Григорьевна выходит ответить на телефонный звонок, заглядываю в одну из открытых книг – Пастернак! А я никогда его не читала, в библиотеках его нет. Я во многом – неофит, в Киеве недавно, в голове – каша из прочитанного «разрешённого» и проглоченного «запрещённого». Припадаю к книге и читаю... Возвращается Оксана Григорьевна, «застукивает» меня и улыбается. Говорим о Пастернаке. Сколько она знает и помнит, сколько чудных людей встречала в Москве, когда училась там. «Художницы милой как сон крутость...». Нейгауз¹ и Пастернак, их жёны... «Доктор Живаго».

Любимое пастернаковское стихотворение Оксаны Григорьевны – «Август». (Запоминаю про себя, чтобы найти и прочитать. И это будет впечатление на всю жизнь). Говорим о Булгакове, Рихтере. Я признаюсь, что «достала» и читаю Солженицына. Оксана Григорьевна прикладывает палец к губам. О Солженицыне – шёпотом... «И стены имеют уши» – часто повторяла она. Жизнь заставила её хорошо помнить эту истину... Это всё – мой урок.

Потом играю Шопена – Полонез-фантазию, и – си-минорную сонату. «Стоп! Не спеши. В этом месте третьей части Генрих Густавович говорил, что играть нужно величаво, это Аполлон-Мусагет шествует с небес к нам». Генрих Густавович – Бог. Это Нейгауз, учитель Оксаны Григорьевны. Это я знаю. Но... «А кто такой – “Мусагет”»? – тихонько спрашиваю я... Следует объяснение... Так урок затягивается на целый день, с обязательным обедом.

Вы спросите – ну, и при чём тут Пастернак? Почему я акцентирую – «полулегальный, запрещённый, опальный»... 70-е годы, не 37-й. Ведь уже не сажали в лагеря, не уничтожали физически. Но для меня это и было обучение музыке Шопена! Любой музыке. Потому что творчество – это, прежде всего, духовная свобода.

Для меня определяющая черта того времени – борьба за право сохранить в себе свободу духовного выбора. Пойти в кино на «Тени забытых предков» было гражданским по-

¹ Смотри страницу 47 данного издания.

ступком. Запрещали со сцены петь слово «Бог». Приходилось в русских произведениях заменять на «Творец» или «Создатель». Но и это не всегда помогало. Помню, в эти годы нам не разрешили записать на радио с Т. С. Калустяна арию из «Страстей по Матфею» даже на немецком языке, так как встречалось всем понятное “Gott”.

Половина – если не больше – мировой и нашей собственной (!) культуры была для нас под запретом. Пастернак, Шёнберг, Рихард Штраус, Ницше, Достоевский, Булгаков, не говоря уже о Солженицыне, Викторе Некрасове, Бродском и других... Параджанов ещё сидел.

Требовало мужества не вступить в партию, не ходить на собрания, становиться на сторону гонимых властью. Потому что искушений – и карьерных, и материальных – хватало. Например, для педагога иметь возможность послать ученика на международный конкурс. И было очень трудно сохранить совесть художника. Именно то, чему и учила нас своим примером Оксана Григорьевна.

Мне несколько раз посчастливилось играть с нею на сцене. Сначала в школе Лысенко, затем в консерватории. Она исполняла со мною партию оркестра в фортепианных концертах – Грига, 3-м Прокофьева, 2-м Шопена, 4-м Бетховена.

Оксана Григорьевна выходит на сцену – как вдруг меняется её лицо. Только что – мягкость, лучезарная улыбка. И вдруг – строгое, вдохновенное, с плотно сжатым ртом и глазами, глядящими словно вдаль и выше нот. Я думаю – Оксана Григорьевна видела недостижимо высокую цель, садясь за фортепиано. Она всегда играла масштабно, ясно, просто и глубоко. За внешней мягкостью скрывалась мужская воля и сила таланта. Не случайно самыми любимыми её художниками, как я знаю, были Караян, Шостакович, её Мастер и Учитель – Нейгауз. И – конечно, Л. ван Бетховен.

Я счастлива и горжусь как особой честью «избранной», что именно я была первым читателем и «критиком» (скорее, восторженным почитателем) работы Оксаны Григорьевны о творчестве позднего Бетховена.

Инна Порошина